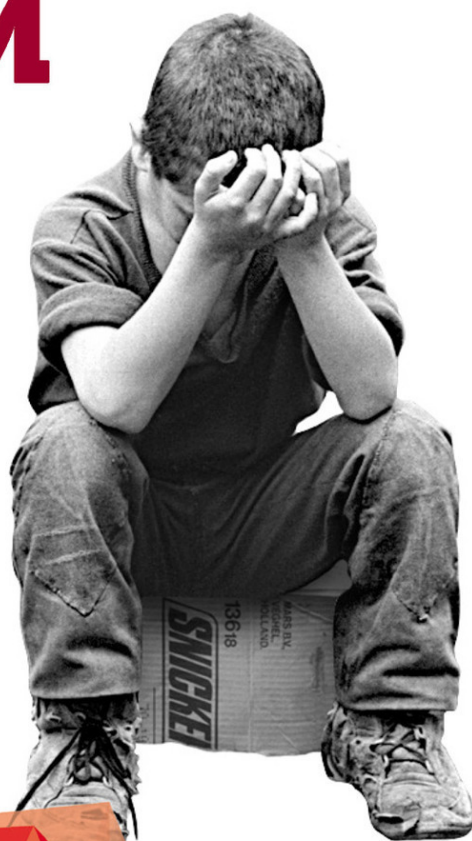

Власть и народ

**Валерий
Шамбаров**

**Гибель
советской
империи**

Власть и народ

Валерий Шамбаров

Гибель советской империи

«Алисторус»

2018

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)

Шамбаров В. Е.

Гибель советской империи / В. Е. Шамбаров — «Алисторус»,
2018 — (Власть и народ)

ISBN 978-5-907024-66-3

Советский Союз был мощнейшей сверхдержавой, – он успешно противостоял не только США, но всей западной коалиции. СССР динамично развивал экономику, добился грандиозных достижений в области науки и техники; что касается благ, доступных для населения, Советский Союз в чем-то уступал капиталистическим странам, но во многом и превосходил их. Как же произошло, что он рухнул? О скрытых процессах в советском руководстве и обществе, подрывных влияниях, формировании и деятельности «пятых колонн» рассказывает новая книга известного писателя-историка Валерия Шамбарова.

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)

ISBN 978-5-907024-66-3

© Шамбаров В. Е., 2018
© Алисторус, 2018

Содержание

Как убили Сталина	5
Заговор против Бери	10
Обманчивая оттепель	15
XX съезд	19
Фестиваль 1957 года	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Валерий Шамбаров

Гибель советской империи

Как убили Сталина

Дата 5 марта 1953 года разделила историю Советского Союза на две части. Смерть Сталина. До нее и после нее. Две части, примерно одинаковые по продолжительности, но очень непохожие. Первая – чрезвычайно тяжелая, кровавая, голодная, полная опасностей, на надрыве сил. Вторая даже одета иначе. Вместо сапог, шинелей, военизированных френчей – респектабельные костюмы, пальто, мягкие шляпы. Благополучная, мирная, спокойная... Но первая из полного хаоса, нищеты, распада, выводила государство наверх, к могуществу и процветанию.

Все факты показывают, что Иосиф Виссарионович на закате жизни задумывал очень серьезные реформы. На внешнеполитической арене он выражал готовность примирения с Западом. В марте 1952 г. СССР выступил с очередными инициативами объединить Германию, сделав ее демилитаризованной и нейтральной. А 24 декабря 1952 г. Сталин дал интервью газете «Нью-Йорк таймс», предложив личную встречу с президентом США Эйзенхауэром, чтобы «сделать первые шаги к созданию взаимного доверия, основанного на совместных усилиях».

Но Америка на эти жесты не откликнулась. Ведь нормализация, которую имел в виду Сталин, подразумевала признание равноправных отношений, «двухполярного мира». США такой вариант не устраивал. Да и Сталина на Западе прекрасно знали. Диалог предпочитали вести не с ним. С кем-нибудь другим, кто придет после него. Хотя Иосиф Виссарионович полагал, что страны НАТО могут одуматься. Советские ученые завершали создание водородной бомбы, многократно более мощной, чем атомная. А у американцев такой еще не было. Глядишь, изменится расклад сил – и согласятся искать компромиссы.

Какие-то перемены готовились и во внутренней жизни. Осенью 1952 г. журнал «Новый мир» опубликовал серию очерков журналиста В. Овечкина «Районные будни». Их сразу стала перепечатывать «Правда», что было уникальным случаем, невозможным без санкции высшей власти. «Правду» Сталин просматривал регулярно. Если бы что-то не устраивало его, достаточно было одного слова секретарю. А в очерках на примерах одного района рассказывалось о бедственном положении колхозников, об отношениях между бездушными чиновниками и простыми тружениками. Очевидно, предстояли соответствующие решения по данному вопросу.

А главное – Сталин готовился наконец-то сделать решающий шаг от «революционной» системы ценностей, в которой жила страна. Перенести центр реальной власти из партийных в правительственные органы. Нет, он не отказывался от коммунистической идеи. Но, имея уже колоссальный опыт государственного строительства, он видел, что марксистская догматика становится помехой на этом пути, приходится как-то обходить ее. Видел и то, как партийный аппарат превращается в привилегированную элиту. Сталин наметил лишить его такого положения. Перевести партию с руководящей на вспомогательную роль, как замполита при командире. Ставит задачи и отдает распоряжения правительство. А партия содействует их исполнению.

Такой переход Иосиф Виссарионович уже внедрял исподволь, постепенно. При Ленине съезды, считавшиеся высшим органом партии (а фактически и государства) проводились каждый год. По Уставу, принятому в 1934 г., их требовалось проводить не реже, чем раз в три года. Но Сталин созвал следующий съезд лишь через 5 лет. А с мая 1941 г. Иосиф Виссарионович, оставаясь Генеральным секретарем ЦК, занял пост председателя Совета Министров. Выработка и принятие ключевых решений перешла на уровень правительства. Политбюро собиралось постоянно, но все его члены имели министерские посты или курировали по несколько

министерств. Фактически оно превратилось в высший совет при главе правительства. Пленумы ЦК Сталин созывал все реже, после войны – лишь трижды. Если по какому-то важному делу требовалось постановление ЦК, голоса собирали опросом, по телефону. А съезды партии не собирались аж 13 с половиной лет!

Иосиф Виссарионович не видел в них необходимости. Хотя теперь получалось, что аппарат ЦК и правительство дублируют друг друга. Причем ЦК был выше, задавал стратегию – а правительство исполняло, отчитывалось перед ЦК. Сталин решил поменять их местами. Но аккуратно, тонко. Без открытых заявлений, что партия лишается руководящей роли. Это могло вызвать потрясения, брожение в умах. Руководящая роль должна была отпасть как бы сама собой. Для утверждения новой системы в октябре 1952 г. Иосиф Виссарионович созвал XIX съезд ВКП(б).

На таких мероприятиях уже установилась определенная иерархия докладов. Главный из них, отчетный, Сталин не стал делать сам. Поручил Маленкову. Заместителю председателя Совета министров. С одной стороны, уже как бы «принизил» партию по отношению к правительству. С другой – обозначил своего возможного преемника. Второй по значению, экономический доклад о пятилетнем плане на 1951–1955 гг., делал председатель Госплана Сабуров. Но и он был «принижен». Раньше съезды утверждали пятилетние планы. Сейчас съезд лишь проинформировали – этот план уже выполнялся второй год. Внешнеполитический доклад делал Берия – опять не случайно. Руководитель ядерной программы. Он заявил, что СССР стремится к мирному сосуществованию, а руководство США предупредил: политика атомного шантажа ничего не даст.

А вот Хрущеву Иосиф Виссарионович поручил озвучить проект изменений в Уставе партии. Опять – случайно ли? Самому рьяному «партийцу». Но предложения он высказывал не свои, а сталинские. Даже название партии менялось. Вместо Всесоюзная коммунистическая партия большевиков, ВКП(б) – Коммунистическая партия Советского Союза, КПСС. Всесоюзная – как бы всеобъемлющая, надгосударственная. Партия Советского Союза – принадлежащая государству. Слово «большевики» из названия исчезло. Сталин наконец-то отбросил его. Упразднилось и Политбюро. Заменялось Президиумом ЦК. Из названия исчезла функция выработки политики. Осталось текущее руководство ЦК и партией. А состав ЦК увеличился вдвое, до 232 человек. Сталин на съезде выступил только с заключительным словом. Объяснил расширение ЦК необходимостью выдвигать молодые кадры, чтобы включались в руководящую работу, набирались опыта.

А через два дня, 16 октября, состоялся Пленум вновь избранного ЦК. Вот здесь Сталин произнес большую речь. Откровенную, неприглядную. Крепко досталось тем, кто раньше считался его ближайшими соратниками (и мог претендовать на роли преемников). В первую очередь Молотову. «Молотов – преданный нашему делу человек. Позови, и, не сомневаюсь, он не колеблясь отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков. Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел, находясь под “шартрезом” на дипломатическом приеме, дал согласие английскому послу издавать в нашей стране буржуазные газеты и журналы... А чего стоит предложение товарища Молотова передать Крым евреям?... У нас есть еврейская автономия. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш советский Крым» [92].

Микоян Сталин раскритиковал за его предложения дать послабления колхозникам, снизить с них налоги. С точки зрения благосостояния людей Микоян был прав – деревня жила очень трудно, колхозники работали на пределе сил. Но Иосиф Виссарионович смотрел дальше – с точки зрения государственной, противостояния с Западом. Продукция сельского хозяйства составляла главную часть экспорта, обеспечивала валюту, а значит, и развитие промышленности. Сталин строил расчеты, что для СССР необходимо поддержать достигнутые темпы

экономического роста, выйти на уровень американцев и их партнеров. А в результате придет благосостояние и в деревню. Пока же ей нужно еще поднапрячься, поддержать общий штурм. Впрочем, может быть и так, что разногласия по сельской политике стали лишь предлогом. Не исключено, что у Сталина появились другие причины не доверять Микояну, но пока недоказанные.

Про Ворошилова и Кагановича Иосиф Виссарионович выразился почтительно, что они «остаются видными политическими деятелями», но работа министров требует «больших сил, конкретных знаний и здоровья». Поэтому их перевели с министерских постов в заместители председателя Совета Министров. Но тут же добавил: «Так что я даже не знаю, сколько у меня заместителей». Откуда легко было догадаться: теперь они остаются лишь представительными фигурами.

Список Президиума ЦК, заменившего Политбюро, Сталин составил и прочитал сам. Он оказался очень большим, 36 человек. А поскольку этот орган получался громоздким, создавалось более узкое Бюро Президиума. В него вошли Сталин, Берия, Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков, Первухин, Сабуров, Хрущев. Что касается Молотова и Микояна, то критику на них Иосиф Виссарионович обрушил не случайно. В широкий Президиум они попали, а в узкое Бюро уже не вошли. Расширился и Секретариат ЦК. Вместо 5 секретарей стало 10. Но Генерального секретаря больше не было! Формально 10 секретарей оказывались равноправными! А Сталин становился лишь одним из 10! Его власть отныне обеспечивались только одной должностью – председателя Совета министров! Стало быть, именно эта должность становилась главной в СССР!

К чему вело подобное положение, понять не трудно. Правительство получало приоритет над ЦК. А в перспективе роль партии должна была постепенно снижаться, сводиться к функциям обеспечения политики правительства и подбора кадров. Кстати, среди молодых и перспективных, кого Сталин выдвинул в новый Президиум ЦК, были его заместитель-экономист Алексей Косыгин и Леонид Брежнев.

Далеко не для всех реформа Сталина была понятной. Некоторые воспринимали ее с недоумением. Другие – сугубо в плане персональных перестановок. Но были и такие, кто очень хорошо осознавал истинную суть. Достаточно сказать, что в послесталинское время документы XIX съезда и последующего пленума никогда в СССР не обнародовались! Публикация материалов партийных съездов и конференций осуществлялась «с начала», со II съезда РСДРП. Велась и с «конца». Но на XIX съезде стопорилась. Он «выпадал». Ведь иначе о замыслах Сталина могли догадаться в народе...

То, что произошло на даче Сталина 28 февраля – 2 марта 1953 г., до сих пор покрыто мраком. Точнее, было искажено и затерто. Но искажалось и затиралось лихорадочно, хаотично. Поэтому в сохранившихся свидетельствах охраны, Хрущева и академика Мясникова получилась масса противоречий по фактам, фамилиям, по времени, даже по датам.

Согласно показаниям охраны, вечером 28 февраля, в субботу, Сталин пригласил к себе Маленкова, Берия, Хрущева и Булганина. На даче было трое охранников и женщина-прислуга. Иосиф Виссарионович заказал им приготовить ужин. Предстоял какой-то серьезный разговор, поэтому крепкие напитки он из меню исключил, велел подать только слабое молодое вино «Маджари», Сталин называл его «соком» [57, с. 97]. Когда он провожал гостей ночью 1 марта, его последний раз видели здоровым. На следующий день он не вышел в обычное время из своих покоев, а охрана якобы не осмеливалась туда зайти. Лишь вечером привезли почту из ЦК, зашли и увидели его на полу. Перенесли на диван, стали звонить Игнатьеву, но он почему-то переадресовал к Маленкову и Берии, и они приехали в 3 часа ночи уже 2 марта, а Хрущев в 9 утра привез врачей [62, с. 60–61].

Все это полная чушь. Известен случай, когда Сталин, напарившись в бане, разомлел и задремал. Прошло 40 минут сверх ожидаемого срока, а он не вышел, охрана тут же связалась

с начальством и получила приказ ломать дверь. Хрущев писал мемуары на пенсии и не знал, что напишут охранники в 1977 г., уже после его смерти – а воспоминания Хрущева в СССР не издавались. Он проговорился, что 1 марта узнал якобы от Маленкова: на даче что-то случилось. Приезжал туда в этот день дважды – опять якобы с Маленковым. В первый раз сочли, что ничего страшного, «Хозяин перебрал», и уехали. Лишь во второй раз начали бить тревогу, вызвали врачей, пригласили Булганина, Берию, Кагановича, Ворошилова [57, с. 103–104, 106–107].

Это тоже ложь – Сталина видели пьяным всего два раза в жизни, а накануне была не пирушка, а деловой разговор с легким вином. И Хрущев почему-то вообще не упоминает Игнатъева! Тщательно обходит его стороной. Единственный честный свидетель – академик Мясников (умер в 1965 г., рукопись его воспоминаний была изъята в архив ЦК и чудом уцелела). Его с другими врачами вызвали 2 марта, и министр здравоохранения, уже находившийся на даче, проинформировал их: в ночь на 2 марта у Сталина произошло кровоизлияние в мозг. Вроде бы в 3 часа ночи охранник через замочную скважину видел его за рабочим столом, а в седьмом часу утра заметил лежавшим на полу! [57, с. 112–113] Для врачей время приступа сдвинули на целые сутки!

Если же сопоставить эти источники, добавить действующие в то время инструкции и правила, то можно представить, хотя бы приблизительно, истинную картину. Конечно же, беду должны были обнаружить не вечером, а утром или еще ночью 1 марта. Охранники должны были немедленно доложить непосредственному начальнику Игнатъеву. А его начальником по линии ЦК был Хрущев. Очевидно, тогда-то он и приехал в первый раз. С Игнатъевым, а не с Маленковым. Должен был захватить с собой и лечащего врача. Между прочим, фамилия лечащего врача Сталина неизвестна! Нигде не упоминается! Но, с большой долей вероятности, Хрущев проговорился в черновике своего доклада на XX съезде – Смирнов (Источник, № 6, 2000, с. 99). Из окончательной редакции фамилия была изъята, заменена на академика Виноградова, который в данное время находился в тюрьме (Известия ЦК КПСС, № 3, 1989, с. 154–155).

Судя по всему, охране действительно внушили: ничего страшного, Хозяин «перебрал», просит его не беспокоить. А ко второму приезду охранникам стало ясно: их подставили. Впрочем, Игнатъеву и Хрущеву еще проще было изобразить: надо же, мы ошиблись! Но ведь и вам головы не сносить, не оказали помощь главе государства! Дальше уже нетрудно было навязать им легенду, что и как говорить, чтобы обезопасить себя. Навязывали их прямые начальники, способные их в пыль стереть. Оставалось послушаться: и их выгородить, и свою шкуру спасти. Факты показывают, что Берия появился на даче только 2 марта, около 9 утра, вместе с врачами. Маленков прибыл где-то раньше. Тогда же, утром – Булганин, Ворошилов, Каганович. По-видимому, и им, как и врачам, преподносилась версия: инсульт случился этой ночью, а не прошлой.

Врачи на даче прилагали все возможные усилия. В какой-то момент, 4 марта, возникла надежда, что они увенчаются успехом, Сталин стал дышать ровнее, открыл один глаз, даже как будто глянул осмысленно, подмигнул [57, с. 127]. Но проблеск был кратковременным. Вечером 5 марта Иосиф Виссарионович отошел в мир иной.

Он был убит. Как минимум – неоказанием своевременной помощи. Но все обстоятельства говорят, что убийство было преднамеренным, тщательно организованным. Российский историк И. Фурсенко отмечает: документы о лечении Сталина, медицинский журнал и 9 папок истории болезни исчезли. В сохранившейся 10-й – только разрозненные и неясные заметки о назначении тех или иных препаратов в последние дни. Протоколы вскрытия и подлинное заключение о смерти исчезли. А то заключение, которое фигурирует в истории, не датировано, но на черновике стоит дата – «июль 1953 г.». Через 4 месяца после смерти! (Зато сразу после устранения Берии.) Личный архив Сталина был уничтожен. Комиссия, созданная по этому

архиву, не собиралась ни разу. А председателем комиссии был Хрущев (Звезда, № 12, 1999, с. 184–185).

Но и из охранников, очевидно, не все проявили послушание или позволили себе сказать лишнее. Или заметили нечто такое, чего им лучше было не знать. Один из троих, дежуривших внутри дачи, «старший прикрепленный» (непосредственный телохранитель Сталина) Хрусталев вскоре после кончины вождя «скоропостижно умер» [57, с. 159]. Еще двое из тех, кто охранял дачу на внешних постах, вдруг «покончили с собой» [57, с. 158]. А спустя годы в беседе с лидером албанских коммунистов Энвером Ходжой Микоян допустил полупризнание. В 1979 г. Энвер Ходжа писал: «Сам Микоян признался мне и Мехмету Шаху, что они с Хрущевым планировали совершить покушение на Сталина, но позже, как уверял Микоян, отказались от этого плана». Упомянул он об этом вскользь, речь шла о Мао Цзэду: «Единственная разница между Мао Цзэдуном и Сталиным в том и состоит, что Мао не отсекает голову своим противникам, а Сталин отсекал. Вот почему, – сказал этот ревизионист, – мы Сталину не могли возражать. Однажды вместе с Хрущевым мы подумали устроить покушение на него, но бросили эту затею, опасаясь того, что народ и партия не поймут нас» [176, с. 81–82].

Да, открытое покушение – еще как «не поняли бы». А если замаскировать под «естественную» смерть? Впрочем, Микоян предусмотрел еще одну легенду прикрытия. Как раз в беседах с Энвером Ходжой он свалил убийство Сталина на Берию.

...Тело Сталина было выставлено для прощания в Доме Союзов. Он пользовался такой любовью, что стекались москвичи, ехало множество людей из других городов. Столичная милиция оказалась не готова к наплыву таких масс, возникла давка, было большое количество погибших и пострадавших (количество до сих пор неизвестно). Когда удалось навести порядок, в очереди стояли сутками. Кстати, будущий артист и автор песен Володя Высоцкий свое первое стихотворение сочинил как раз в этой очереди. Оно посвящалось Сталину, было пронизано неподдельным детским горем от утраты.

Но уже начали сквозить и иные веяния. Писатель Константин Симонов, член ЦК, тоже охваченный общей болью, излил свое чувство в статье – об изучении наследия Сталина, движению по начертанному им пути. Но ее вдруг завернули. Оказалось, что в органы печати из Управления агитации и пропаганды ЦК спущено негласное указание – подобных произведений не публиковать [153]. 9 марта состоялись похороны, забальзамированное тело Сталина уложили рядом с Лениным, в Мавзолее.

Заговор против Берии

...Нет, лето 1953-го не было «холодным», как гласило название «перестроечного» фильма. Оно было очень жарким. Начались волнения в Восточной Германии. В мае пленум Социалистической единой партии Германии принял решение увеличить для рабочих на 10 % нормы выработки и снизить на 25 % расценки оплаты. Забурлило недовольство. Толчком к взрыву стало исчезновение в магазинах... повидла. Еще с нацистских времен, когда пропаганда Геббельса внушала режим строгой экономии, традиционным завтраком немцев стал бутерброд с повидлом. И его вдруг в магазинах не оказалось. Поэтому беспорядки в Берлине назвали «мармеладным бунтом».

Впрочем, этот дефицит стал лишь поводом. Инициировали «мармеладный бунт» извне. После смерти Сталина западные державы решили попробовать на прочность социалистический лагерь. Листовки, призывавшие к протестам, были заготовлены заранее, их доставляли из Западного Берлина. Разбрасывали и американские самолеты, летавшие в Западный Берлин. Оттуда появились эмиссары, агитаторы. 17 июня Восточный Берлин охватила общая забастовка, выплеснулись демонстрации. Причем в рядах протестующих имелось огнестрельное оружие, несколько немецких полицейских было убито. Появились и лозунги: «Иваны, убирайтесь домой!» Мятеж мгновенно распространился по другим германским городам.

Когда ситуацию обсуждали на Президиуме ЦК, всплыли разногласия Берии с «интернационалистами». Он заявил, что для нас важнее не социалистическая Германия, а дружественная. На него обрушился Молотов. Хотя в данном случае разногласия были чисто теоретическими. Для нормализации положения в Берлин отправили Берия. Он действовал решительно – прекрасно понимал: если бунт уже начался, то мягкость обернется не только непредсказуемыми последствиями, но и лишними потоками крови. В Берлин двинулись 6 советских дивизий, 600 танков. Пехота открывала огонь, только когда встречала организованное сопротивление. Танки вообще не стреляли, не давили, просто теснили мятежников, и те разбежались. Лишь в одном месте молодежь кидала в танк камнями (специально для снимка, облетевшего все западные СМИ).

Учитывая масштабы беспорядков, их уладили с довольно небольшими жертвами, погибло 34 мятежника, а всего – 55 человек вместе с убитыми полицейскими. Нескольких предводителей казнили по приговору германского суда. Последнее свое задание Берия выполнил успешно. Но германские события оказались очень кстати для Хрущева. Они-то и позволили подготовить операцию по устранению Лаврентия Павловича.... Никакого «заговора Берии» не существовало. Неужели такой специалист, как он, если бы действительно готовил переворот, проявил бы вопиющую беспечность и позволил настолько легко себя уничтожить?

По либеральной версии (давно опровергнутой) разоблачил «заговор» Никита Сергеевич. Берия пригласили в Кремль на Президиум ЦК. А в приемной сталинского кабинета, где проходили заседания, Хрущев собрал 10 вооруженных генералов во главе с Жуковым. Лаврентию Павловичу предъявили обвинения и арестовали. Доставили в штаб Московского округа ПВО, где и содержали на гауптвахте в течение следствия. В июле дело о «заговоре» обсуждалось на пленуме ЦК. А в декабре там же, в штабе ПВО, состоялся суд. Берия и его «сообщники» были приговорены к смерти и там же, в подвале штаба ПВО, расстреляны. Исполнителем приговора Лаврентию Павловичу стал генерал-майор Батицкий, присутствовал командующий округом ПВО Москаленко.

Но «воспоминания» об этих событиях у Хрущева, Жукова, Москаленко, Молотова, Микояна абсолютно не стыкуются между собой. Даже один Хрущев оставил несколько версий. Берия хватается и обезвреживает то Жуков, то Москаленко, то сам Никита Сергеевич. Из Кремля Лаврентия Павловича то вывозят тайно, спрятав в машине от верной ему охраны.

То охрану заранее меняют своими офицерами. Авторы «свидетельств» постоянно путаются в деталях. И это неудивительно. Арест был для Хрущева слишком большим риском. Поэтому никакого ареста, следствия и суда не было. Берию убили в тот же день, 26 июня. Об этом писал не только его сын, Серго Берия [128]. Со временем проболтался и Хрущев. И опять во многих версиях.

А. Авторханов приводит их целую коллекцию. Как рассказывал Хрущев, когда на заседании Президиума Лаврентия Павловича арестовали, «мы встали перед сложной, одинаково неприятной дилеммой: держать Берию в заключении и вести нормальное следствие или расстрелять его тут же, а потом оформить приговор в судебном порядке». Первое якобы было опасно – верные «чекисты» могли освободить его. Взвесили все и расстреляли сразу, в соседней комнате. В разных рассказах это сделали Москаленко, Микоян, сам Хрущев. Еще одна вариация – прямо на заседании, когда объявили об аресте, Берия попытался достать пистолет. На него набросился Молотов (в другой версии – Микоян), схватил за горло, подоспели генералы, и Берия в свалке был задушен. Ну а потом расследование подтвердило, что оказались правы [1, с. 106–107].

Это тоже ложь. Потому что самого заседания Президиума ЦК 26 июня не было. Ни в каких журналах и протоколах оно не зафиксировано. Точнее, это заседание готовилось, заслушать Берию планировалось. Но в Кремль он не приехал. Об этом однозначно свидетельствует документ, чудом сохранившийся при чистках архивов. Заседания декларировались как совместные, Совета министров и Президиума ЦК, вел их Маленков. Он заранее готовил вопросы, набрасывал тезисы и проекты резолюций. Проект «К решению вопроса о Берии. Протокол № 10 от 26 июня 1953 г.» был отложен в личный архив Маленкова. Вместе с другими проектами, которые по тем или иным причинам не рассматривались!

В этом документе отмечается: «...Органы МВД занимают такое место в системе госуд. [арштенного] аппарата, где имеется наиб[ольшая] возможность злоупотребить властью. Задача состоит в том, чтобы не допустить злоупотребл[ения] властью...» Пункт 2. «Пост Мин[истра] вн[утренних] дел у т. Берии – он с этого поста контр[олирует] партию и пр[авительство]. Это чревато большими опасностями, если вовремя, теперь же, не поправить». Перед пунктом 5 стоит знак вопроса. «5. Как исправить:

а) МВД – пост дать другому Кр[угол] + ЦК Управление охр[аны] – ЦК. С утра до вечера шагу не шаг[нешь] без контроля! Наша охрана – у каждого в отд[ельности], тому, кого охр[аняют] (без доносов). Мы при т. Сталине недов[ольны]. Орг[анизация] подслуш[ивания] – ЦК – контроль. Т[оварищи] не увере[ны], кто и кого подслуш[ивает]? б) От поста зама [Совета Министров СССР] – освободить, назнач[ить] мин[истром] нефт[яной] пром[ышленности]. Потом!» [83, с. 71–72]

Ну а если обобщить имеющиеся факты, то картина складывается следующая. Заговор подготовил не Берия, а Хрущев. Его сообщником был, очевидно, Микоян. А силовой опорой стал давний товарищ Никиты Сергеевича, командующий Московским округом ПВО генерал-полковник Москаленко, который привлек и своего приятеля генерала Батицкого, служившего в штабе ВВС и чем-то обиженного Берией. Помощником стал и заместитель Лаврентия Павловича Серов. Пользуясь отъездом Берии в Берлин, Хрущев стал распространять среди членов Президиума клевету, что он готовит заговор, арест правительства и захват власти. Ссылался на чьи-то сигналы, поступившие к нему. Очень весомым козырем стал и сбор Берией данных наблюдения и прослушивания на партийных руководителях. Это возмутило всех – у многих имелись какие-то грешки, способные испортить их репутацию (а личная охрана о них, конечно, знала, от нее не слишком таились, привыкли).

Маленков, судя по всему, в заговор не поверил. В проекте протокола об этом нет ни слова. Он предполагал лишь заслушать Берию по поводу сбора компромата и, если обвинения подтвердятся, перевести на должность министра нефтяной промышленности. Если подтвердятся.

Об этом говорит и знак вопроса, и дописанное слово «потом». Обезопаситься на будущее – переподчинить личную охрану самим персонам, которых она оберегает. Но Хрущев пишет, что убедил Молотова, Булганина (министра обороны): Берия опасен, и, прежде чем разбираться с ним, надо его «задержать» [131]. Приписал и Маленкова, хотя в данном случае опять солгал.

Еще за день, 25 июня, была сформирована вооруженная группа из 30 офицеров штаба ПВО под командованием Батицкого [132]. А 26 июня Берия, только что прилетевшего из Германии, перед тем как ехать в Кремль, заманили под каким-то предлогом в штаб ПВО. Это было нетрудно. Как раз в это время шло оснащение ПВО зенитными ракетами, строительство и сдача ракетных комплексов, за что тоже отвечал Берия. Но здесь он был убит. Его охрану арестовали. Непосредственными убийцами, скорее всего, были Батицкий и Москаленко, которые потом, спустя полгода, якобы и расстреливали его.

А в Кремль, где собирался Президиум ЦК, передали через Хрущева заранее согласованную ложь. Какие-то проявившиеся «доказательства», что заговор существует. А Берия оказал сопротивление при попытке его задержать, и был убит. Маленков и другие члены правительства, кто сомневался в его виновности, были поставлены перед фактом. И перед выбором. Начать расследование убийства – или принять версию Хрущева и его предложения (скорее всего, поддержанные Микояном, Молотовым, Булганиным). Объявить Берия не убитым, а арестованным.

Выбор очень хитрый. Лаврентий Павлович был мертв. Все равно не воскресишь. Известие об убийстве первого заместителя председателя Совета министров могло вызвать потрясения. Раскол в правительстве, которое после Сталина еще чувствовало себя очень неуверенно, подрыв доверия, слухи о борьбе за власть. Чтобы легче было соблазниться, открывалась возможность самооправдания – ведь будет следствие. Если выявит ошибку, будет не поздно наказать виновных. Скорее всего, был и страх. После того, что случилось, Маленков имел все основания опасаться и за собственную жизнь. Он поддался. Выбрал линию, как она выглядела, оптимальную. Согласился с Хрущевым. А тем самым превратился в соучастника преступления. И отдал себя под влияние Никиты Сергеевича, отныне вынужден был подыгрывать его манипуляциям.

Следствие, точнее фабрикацию дела о заговоре, Хрущев целиком подмял под себя. Сразу же был отстранен от должности Генеральный прокурор СССР Сафонов – на его место Никита Сергеевич перевел с Украины своего старого протеже Руденко. Был арестован начальник правительственной охраны генерал Кузьмичев. На этот пост назначили еще одного протеже Хрущева, Лунева. А командующего Московским военным округом генерала Артемьева (которому подчинялась и гауптвахта, где якобы содержался Берия) срочно отправили на учения в Смоленскую область и вдогон послали телеграмму о снятии с должности. Его место занял Москаленко.

В МВД об «аресте» их министра узнали только 27 июня. Оба заместителя Берии, Круглов и Серов, поехали на гауптвахту, допрашивать «арестованного». Но Москаленко в грубой форме отказался допустить их к вчерашнему начальнику. Вместе поехали к Хрущеву. Нашли его и других партийных руководителей в театре, на премьере оперы «Декабристы» (как раз здесь, по версии Никиты Сергеевича, Берия намеревался арестовать правительство). Круглову и Серову доходчиво объяснили, что действия Москаленко правильные, а «следствие будет вести вновь назначенный Генеральный прокурор т. Р. А. Руденко в присутствии т. Москаленко». Двум заместителям министра осталось взять под козырек и уйти, а Москаленко было предложено выпить рюмку вина «за хорошую, успешную и чистую работу» [17, с. 257–258].

Руденко принялся «копать» в заданном ему направлении. Вызывал к себе помощников Берии, требовал написать показания о «заговоре» под угрозой ареста. Кто-то писал. Командующий внутренними войсками МВД генерал армии Масленников, Герой Советского Союза, отказался от клеветы и застрелился [165, с. 432–433]. Генерал Судоплатов писать ложь тоже не

стал, был арестован. Умело симулировал сумасшествие, что позволило ему остаться в живых (4 года провел в тюремных психушках и еще 11 лет в тюрьме).

А бывшего помощника Берии и бывшего министра МГБ Меркулова пригласил к себе сам Хрущев. Говорил ласково, что ему-то бояться нечего, но он хорошо знал Лаврентия Павловича, мог бы подробно написать про него [17, с. 280]. Меркулов согласился, но «не понял». В своих воспоминаниях изложил только хорошее. Его объявили соучастником Берии и взяли под стражу. Бывший секретарь Сталина Поскребышев оказался более понятливым. Писал, что Берия принижал партию, да и пропавшие секретные документы у него, Поскребышева, украл Берия. Он угадал. Документы «нашлись». Поскребышев остался членом ЦК.

Но одних арестовывали, а других освобождали. И первым, кто стараниями Хрущева вышел из тюрьмы, стал генерал МГБ Огольцов. Заместитель Абакумова и Игнатьева, заведовавший лабораторией ядов [107, с. 263]. Освободили и лечащего врача Сталина, арестованного Берией.

Со 2 по 7 июля прошел пленум ЦК. Дирижировал Хрущев. Сообщение, что Лаврентий Павлович собирал данные на весь партийный актив, стало для членов ЦК таким же возмутительным, как для членов Президиума. Тут уж легко прокатилась информация о подготовке переворота. Берия был заочно обвинен в «преступном посягательстве на партийное руководство обществом», в «планах реставрации капитализма», даже объявлен «английским шпионом». Подобная атмосфера позволила Никите Сергеевичу сделать еще один ход. Под предлогом «разоблаченного заговора» было принято постановление «укрепить партийное руководство во всех звеньях партии и государственного аппарата». Таким образом была окончательно перечеркнута линия Сталина на перенос центра власти в правительство. Партия снова утверждалась выше. А Хрущев, соответственно, обходил Маленкова.

12 августа 1953 г. свершилось еще одно дело жизни Лаврентия Павловича. Были успешно проведены испытания термоядерной бомбы. Советский Союз первым в мире получил такое оружие. Однако самого Берии уже не было на этом свете. При Сталине протоколы допросов высокопоставленных лиц представлялись в Политбюро. Но Каганович и Молотов признавались потом, что ни одного документа, подтверждающего вину Берии, не видели [185, с. 66]. Следственное дело ни в одном архиве не значится. Исчезло. Если оно вообще существовало. Объявлялось, что Лаврентий Павлович по-прежнему содержится на гауптвахте. Единственным человеком, якобы обслуживавшим его, и единственным конвоиром был комендант штаба ПВО майор Хижняк, который и прожил там без выхода полгода. Получил подполковника, орден, денежную премию. А в воспоминаниях не смог назвать даже состав суда, где он вроде бы присутствовал.

Репутацию Берии вовсю заливали грязью. Вопреки требованиям судебной процедуры, в ноябре была распространена брошюра «Обвинительное заключение по делу Л. П. Берии». Ее под расписку доводили до всех партийных работников, офицеров в войсках. И там-то было все: измена, шпионаж, заговор, разврат, наркотики, растление малолетних [17, с. 294]. А в декабре как будто бы состоялся суд над «бандой Берии». Председателем назначили видную фигуру, маршала Конева. А на скамье подсудимых оказались ближайшие помощники Лаврентия Павловича – Меркулов, Кобулов, Деканозов, Мешик, Володзимирский, Гоглидзе. Берии с ними, естественно, не было. Объявляли, что его судили отдельно и расстреляли отдельно. Шестерых невиновных, изображавших «банду», тоже быстренько осудили и уничтожили. Любопытно, что в роли палачей выступили... два члена суда! Лунев – новый начальник правительственной охраны и заместитель Главного военного прокурора Китаев [18, с. 380]. А главные исполнители расправы над Берией круто пошли в гору. Москаленко стал маршалом, Батицкий – генерал-полковником. В ближайшие годы они получили больше орденов, чем во время войны.

Но жертв было гораздо больше. Прокатился еще целый ряд процессов над членами «банды Берии», к которым причислили всех его видных выдвиженцев. На Украину он назна-

чил заместителем министра внутренних дел своего доверенного, генерала Мильштейна. Летом 1953 г. его убили сразу при аресте, как самого Берию. И понятно почему: Украина была как раз лучшим местом для сбора компромата на Хрущева. В Азербайджане к «банде» причислили старого друга Лаврентия Павловича Багирова – первого секретаря компартии Азербайджана. Вместе с добавленными на его процесс Маркаряном, Борщевым, Григоряном его расстреляли. Еще двое подсудимых получили 25-летние сроки заключения.

По структурам МВД прокатились массовые чистки. Не менее сотни одних только генералов и полковников попали в тюрьмы или были уволены. И тогда же, после убийства Берии, пошла зачистка документов о смерти Сталина. Напомним, непонятное вторичное заключение о смерти в черновике датировано не мартом, а июлем 1953 г. А в марте 1954 г. были сняты с должностей и арестованы министр здравоохранения Третьяков, начальник Лечсанупра Кремля Куперин и все врачи двух комиссий – лечившей Сталина в последние дни и делавшей вскрытие. Один из них, профессор Русаков, «внезапно» умер. Третьякова, Куперина и еще двоих отправили в Воркуту, работать в лагерной больнице [1, с. 98].

Стоит вспомнить еще профессора Майрановского, специалиста МГБ по ядам, который был арестован Рюминым и быстренько спрятан Игнатьевым во Владимирской тюрьме. После освобождения он почему-то записался на прием к Хрущеву! И глава партии и государства его принял! О чем они говорили, неизвестно. Но очень смахивает на попытку шантажа. Потому что через два дня после визита Майрановского арестовал КГБ, выслал в Махачкалу, где тот... «скоропостижно скончался» [165, с. 440].

Как тут не обратить внимание на эпизод, описанный А. И. Аджубеем: где-то уже в 1958–1959 годах Ворошилов, придя в гости к Хрущеву, крепко подвыпил. «И вдруг он положил руку на плечо Никиты Сергеевича, склонил к нему голову и жалостливым, просительным голосом сказал: “Никита, не надо больше крови...”» [57, с. 356]

Ну а автору, закрывая эту главу, хочется напоследок склонить голову перед памятью Маршала Советского Союза, Героя Социалистического Труда Лаврентия Павловича Берии. Ведь мы с вами обязаны ему до сих пор. Если бы не ядерное оружие, которое он обеспечил нашей стране, то американцы ее давным-давно раздавили бы нас. Видимо, как раз поэтому его имя вызывает столько злобы. Как раз поэтому на него не устают и сейчас выплескивать потоки клеветы. Он остается актуальным, сегодняшним врагом для врагов России.

Обманчивая оттепель

Смена власти сопровождалась крупными реорганизациями. Молодые деятели, которых Сталин выдвигал в последние годы жизни, очутились «за бортом». Так, Брежнев лишился постов секретаря ЦК, кандидата в члены Президиума ЦК. Чтобы как-то пристроить, его... вернули в Вооруженные силы, поставили начальником политуправления Военно-морского министерства. Но всего через пару месяцев это министерство слили с Военным министерством в одно, Министерство обороны. Брежнева, снова оставшегося без работы, назначили заместителем начальника Главного политуправления армии и флота. Косыгин тоже потерял должности кандидата в члены Президиума ЦК и заместителя председателя Совета министров. Убрали почти всех руководителей компартий союзных республик. Для этого Хрущев провел постановление ЦК: первыми секретарями республиканских ЦК должны быть представители «титульных» народов.

А в августе 1953 г. начал свои реформы Маленков. Они нацеливались на быстрое и значительное повышение уровня жизни населения. Были выделены крупные дотации на производство товаров народного потребления, на них резко снижались цены. Пересматривались планы, показатели роста по предметам широкого потребления были удвоены. Впервые в советской практике их выпуск должен был обогнать производство средств производства [25]. Вот тут пригодился Косыгин. Его поставили во главе нового Министерства промышленности продовольственных товаров (созданного из четырех министерств – легкой, пищевой, мясной и молочной, рыбной промышленности). Хрущев сперва пристроился в качестве соавтора реформ, ведь они должны были поднять авторитет новых правителей.

На той же сессии Верховного Совета, которая приняла поправки в курсе промышленности, он выступил и со своими инициативами. Значительно снизить сельскохозяйственные налоги, отменить налоги на разные виды собственности – плодовые деревья, коров, вместо них ввести один налог с индивидуального хозяйства в зависимости от численности семьи. В сентябре был созван пленум ЦК по вопросам сельского хозяйства. Вероятно, какие-то шаги в данном вопросе готовил еще Сталин. Мы уже отмечали публикацию в «Правде» очерков «Сельские будни» осенью 1952 г. В последних документах, которые затребовал Иосиф Виссарионович для работы, была и справка министра финансов о налогообложении села. Но и Микоян он раскритиковал за предложение серьезно снизить налоги с колхозников. Вероятно, предполагал более плавную линию по улучшению их жизни.

Но на сентябрьском пленуме Хрущев говорил о бедственном положении в деревне и меры предложил очень радикальные. Для колхозов были значительно повышены закупочные цены (на мясо – в 5,5 раз, на масло и молоко – в 2 раза, на зерно – на 50 %). Одновременно уменьшались обязательные поставки, списывались все долги колхозов, снижались налоги на приусадебные участки и рыночную продажу продуктов. Кроме того, поощрялось, чтобы рабочие и служащие, если имеют возможность, заводили коров, кур, коз, возделывали свои огороды, садовые участки – без всякого налога [171, с. 629–632]. В общем, Никита Сергеевич выступил горячим поборником интересов народа.

Пленум воодушевился, поддержал его. Впрочем, поддержке способствовало еще одно обстоятельство. Маленков, сдав Берия, подорвал и собственные позиции, вынужден был теперь следовать в фарватере «политики ЦК». А на волне своего крепнущего авторитета Никита Сергеевич внес маленькую поправочку в Устав КПСС. Напомню, по сталинским изменениям в структуре партии все секретари ЦК формально считались равными. Теперь был выделен пост Первого секретаря. Которым стал, разумеется, Хрущев. Таким образом, структуры управления вернулись на круги своя. Только Политбюро стало называться Президиумом, а

Генеральный секретарь – Первым. Но с большой буквы. Никита Сергеевич становился прямым «наследником» Иосифа Виссарионовича.

Ну а предпринятые хозяйственные реформы дали быстрые результаты. Колхозы и крестьяне получали возможность поправить свои дела, стали расти их доходы. Предприятиям и учреждениям в больших городах разрешили искать поблизости невозделанные участки, под сады и огороды для своих работников. Распределяли обычно по 1 тыс. кв. м. (десять соток) на семью. Вокруг городов стали расти «садово-огородные товарищества». То есть дачи. Разумеется, такие перемены вызвали энтузиазм и среди колхозников, и среди горожан [94, с. 234]. Да и Косыгин оказался на высоте. Задачу выполнил, обеспечил быстрое повышение производства товаров широкого потребления, за это ему вернули должность заместителя председателя Совета министров. Прилавки магазинов заполнялись товарами, колхозники везли свою продукцию на базары.

Правда, это достигалось ценой экономической гонки с Западом. Снизилась темпы развития машиностроения, инвестиции в тяжелую, оборонную промышленность. Однако Хрущев (впрочем, как и Сталин) полагал, что военное противостояние можно и нужно прекратить. Но если со Сталиным западные державы отказывались вести диалог, то с новыми советскими властями согласились возобновить его. В январе 1954 г. в Берлине собралась конференция министров иностранных дел США, Англии, Франции и СССР. Нашу страну представлял Молотов, занявший свой прежний пост. Но инициативу он озвучил, очевидно, хрущевскую. Выглядела она как будто бы хитро. Поскольку западные державы рекламировали «оборонительный характер» НАТО, то Советский Союз хотел тоже вступить в эту организацию. Вот и получится система коллективной безопасности. Но Запад такую идею, конечно же, отверг.

Зато внутри СССР продолжались преобразования. Причем все более крутые. В январе 1954 г. пышно праздновалось 300-летие воссоединения Украины с Россией, и в честь этого в состав Украины был передан Крым. «Подарок» был сделан от лица правительства и Верховного Совета, постановление подписали Маленков и Ворошилов. Но автором был Хрущев, Украину он любил, это была его «вотчина». Дело он успел заранее подготовить. Посетив Крым еще осенью 1953 г., поинтересовался у первого секретаря здешнего обкома, Титова, как он смотрит на переход к Украине. Тот высказался категорически против. Но председатель Крымского райисполкома Полянский назвал такую мысль гениальной. На следующий день Титов был снят и заменен Полянским, который потом быстро пошел «в гору» [108, с. 155]

Откуда вообще возникло такое решение, историки спорят до сих пор. Крым никогда Украине не принадлежал. Можно отметить лишь одно совпадение. До 1954 г. существовал единственный документ, согласно которому Крым должен был отойти к Украине. В 1919 г. такое предложение внесли на Версальской конференции президент США Вильсон и его советник, «серый кардинал» Хауз, оно было принято конференцией [192]. Получалось, что Никита Сергеевич выполнил их давнее решение...

Ну а в феврале 1954 г. на пленуме ЦК он выдвинул грандиозную программу освоения целины. Было установлено, что в бескрайних степях Казахстана, Южной Сибири почва очень плодородная. Но она служила лишь пастбищами, земледелие там никогда не развивалось. Хрущев жонглировал цифрами, показывал, что распахка целины под зерновые культуры даст огромные урожаи. А зерно оставалось основной статьей советского экспорта. Это сулило колоссальные валютные прибыли. Способствовало бы новому рывку промышленности, дальнейшему повышению благосостояния. Приняли постановление освоить 13 млн гектаров целины. Чтобы возглавить дело, подвернулись два «изгоя». Пономаренко и Брежнев.

Пономаренко был выдвиженцем Сталина, возглавлял компартию Белоруссии, стал секретарем ЦК и членом Президиума ЦК. Но при реорганизациях «выпал» из партийной верхушки, его пристроили министром культуры. Сейчас его поставили первым секретарем компартии Казахстана, а Брежнева к нему – вторым секретарем. Между прочим, вопрос освоения

целины рассматривали еще при Сталине, в 1940 г. Но тогда выявили очень большие трудности и отложили для дополнительной проработки. Сейчас было не так. Хрущев понукал всех должностных лиц, и машина завертелась. На целину погнали составы с тракторами, комбайнами. Погнали и людей, молодежь. Из вузов целые выпуски получали направления на целину.

Хотя бросок в степи был совершенно не обеспечен, не было ни социальной, ни транспортной инфраструктуры для такого дела. Не было даже станций для разгрузки поездов. Те же трактора и комбайны сваливали из вагонов прямо в снег. Подвозили новые грузы – сваливали на старые. Техника ломалась, ржавела. Люди, прибывшие на целину, ютились в палатках, в бараках. С нуля начинали строительство городов, поселков, станций и одновременно распахи-вали степи. Но вся партийная пропаганда, система культуры были нацелены на возбуждение энтузиазма. Превозносился трудовой подвиг покорителей целины. Туда провожали с оркестрами, митингами, транспарантами, ехали с песнями.

А Никита Сергеевич старался возвысить свою личную популярность. Разъезжая по стране, «запросто» встречался с колхозниками, работягами и поговорить мог «по-простому», соленое словечко ввернуть, посочувствовать трудностям, даже выпить «с народом». На съезде профсоюзов вдруг гневно обрушился на профсоюзных руководителей за то, что они никогда не защищали «права трудящихся». Констатировал «глубокое разочарование трудящихся в профсоюзах». Потребовал исправить эти недостатки, следить за материальным поощрением рабочих, за мерами по охране труда. Увеличилась зарплата, снижалась продолжительность рабочего дня и рабочей недели, повышалось и упорядочивалось пенсионное обеспечение.

Но в большей степени Хрущев делал опору на местных начальников, на партийных функционеров среднего звена. Тех самых «удельных князьков», которых прижимал Сталин, не давая им лишней самостоятельности. Достигнув высокого (или относительно высокого) положения в районах, областях, республиках, они желали пользоваться этим. Жить по-начальственному, «властвовать» в свое удовольствие и не дрожать, что тебя в любой момент за твои дела притянут к ответу. Хрущев не обманывал их ожиданий, требуя только поддержки для себя и своей политики – а это партийные функционеры хорошо умели. Появился и термин «оттепель». Хотя здесь надо отметить существенный момент. Сперва был брошен термин, а уже потом стало подразумеваться, что должна начаться какая-то «оттепель». Автором этого вброса стал Илья Эренбург.

Эренбург был одним из главных творцов «культы личности» Сталина, перехлестывая других авторов в области славословий. Но в мае 1954 г. в журнале «Новый мир», появилась его повесть, которая так и называлась «Оттепель». Пронизанная духом неких «новых веяний», свобод. Это слово сразу же подхватили. Появились и другие произведения с духом «новых веяний». Хотя никакой «оттепели» в идеологической области в это время вроде бы не подразумевалось! Даже вполне лояльную повесть Эренбурга в ЦК сочли чрезмерным вольнодумством. «Новый мир» получил крупный нагоняй, а его редактора, Твардовского, сняли с должности.

Летом 1955 г. председатель Союза писателей Фадеев, Самуил Маршак, Лев Кассиль и ряд других литераторов обратились в ЦК с ходатайством о пересмотре дела Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). Хрущев назначил прокурорскую проверку, и результаты предсказать было нетрудно. Всех осужденных реабилитировали. С точки зрения Эренбурга, реабилитацию ЕАК и впрямь можно было считать началом «оттепели». И стоит ли удивляться, что зарубежные средства массовой информации воспылали повышенным вниманием к Хрущеву, начали превозносить его как мудрого и прогрессивного политика? А это, в свою очередь, способствовало укреплению позиций Никиты Сергеевича внутри страны. В 1953 г. его еще не воспринимали как «вождя». Для народа он оставался хоть и Первым секретарем ЦК, но одним из целой плеяды соратников Сталина. А теперь он раз за разом представлял СССР за рубежом, его «признали» Америка, Англия, Франция. Он приобретал вес персонального лидера. Можно

даже прийти к выводу: без его «признания» Западом был бы невозможен политический взрыв на XX съезде партии.

XX съезд

В феврале 1956 г. открылся XX съезд партии. Сперва ничто вроде бы не предвещало взрыва. В отчетном докладе Хрущева был сделан упор на возможность «мирного сосуществования» социализма и империализма. Подчеркивалось «многообразие» путей перехода к социализму, то есть революции и гражданские войны необязательны. Таким образом, Никита Сергеевич заверил Запад, что не собирается вести подрывную работу. По докладу Булганина был принят план 6-й пятилетки.

«Увертюрой» к главному послужила речь Микояна. Он резко раскритиковал сталинский учебник «Краткий курс истории ВКП(б)», всю литературу по истории революции и советского периода. 25 февраля, в последний день работы съезда, Хрущев объявил вдруг закрытое заседание – без прессы и представителей иностранных компартий. Там он 4 часа зачитывал секретный доклад «О культе личности и его последствиях». Между прочим, аргументы в нем использовались очень старые. Те же самые, на которые в 1920-х пытались опереться троцкисты в борьбе со Сталиным. «Ленинское завещание», обвинение в том, что Сталин извратил «партийную демократию». К этому добавились «сталинские репрессии», на Иосифа Виссарионовича возлагалась вина даже за поражения в 1941–42 гг.

Хотя тематика была очень четко выверена. Доклад вообще не касался коллективизации, раскулачивания, голодомора начала 1930-х. Репрессии осуждались только против коммунистов, да и то не всех. В число «невинно пострадавших» не были включены троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы и прочие участники политических оппозиций. В общем, сохранялась непререкаемая догма, что курс партии и правительства всегда был правильным. А в качестве «оклеветанных» для реабилитации были выбраны военные – Тухачевский, Якир, Блюхер и пр., ряд партийных деятелей – Косиор, Постышев, Чубарь и некоторые другие. В целом же как-то так получилось, что оправдывались палачи гражданской войны, а также лица, принявшие активное участие в раздувании «ежовщины». Ну и те, чьи дела были пересмотрены недавно – «ленинградцы», ЕАК, «врачи».

Причины репрессий сводились сугубо к личным качествам Сталина – его «тирании», подозрительности, нетерпимости к чужим мнениям. Откуда следовал вывод – партия должна вернуться к истинному ленинизму. Разумеется, доклад вызвал эффект разорвавшейся бомбы. Но никаких вопросов и обсуждений заведомо не предполагалось. Доклад специально поставили в конце работы съезда. Вбросили его в круг делегатов, и сразу после этого съезд был закрыт.

По решению Президиума ЦК доклад предполагался именно секретным. Но Хрущев даже не собирался соблюдать это условие. Доклад заблаговременно отпечатали в виде книжечек, вручили каждому делегату, их увозили с собой. Мало того, эти книжечки разослали в местные парторганизации, как бы только для коммунистов. Но их выдавали и беспартийным – собрания по обсуждению доклада было предписано провести на предприятиях, в колхозах, воинских частях, даже в школах среди старшеклассников. Книжечку направили и в иностранные компартии, ее содержание попало в западную прессу. Грязь расплескалась на весь мир.

И если для советских граждан со всеми оговорками доклад преподносился как персональный удар по Сталину, то на самом-то деле он перечеркивал политику Иосифа Виссарионовича. Начиная разрушение фундамента созданной им Советской империи. А заодно Хрущев утверждал свою личную власть. Отныне его соратники находились под угрозой, что и их объявят «сообщниками сталинских преступлений».

XX съезд вызвал сильнейшее брожение в умах. Среди молодежи всплеснуло вольнодумство. Если система столько лет была преступной, то и сейчас страной руководили выходцы из той же системы. Падал авторитет самой советской власти. А с другой стороны, многие люди

возмутились нападками на Сталина. В марте 1956 г. в Тбилиси начались массовые манифестации под лозунгами «Долой Хрущева!» и «Молотова – во главу КПСС». Грузины до того разбушевались, что их разгоняли войсками, погибло 22 человека, несколько десятков было ранено, несколько сотен арестовано. А уж имя Молотова Никита Сергеевич воспринял как сигнал опасности. Поспешил подорвать его позиции. Под предлогом «неправильной югославской политики» его сняли с должности министра иностранных дел, заменили партийным аппаратчиком Шепиловым.

Но, с другой стороны, и «десталинизацию» Хрущев подразумевал только в ограниченных и управляемых формах. Требовалось списать на Сталина все плохое и изменить политическую линию по проектам самого Никиты Сергеевича. В июне ЦК КПСС принял постановление «О преодолении культа личности и его последствий», где подчеркивалось, что в целом политика партии и государства при Сталине была верной, «некоторые ограничения внутрипартийной и советской демократии» признавались неизбежными «в условиях ожесточенной борьбы с классовым врагом». А «перегибы» опять объяснялись персональными пороками Иосифа Виссарионовича. Все, что выходило за эти обозначенные рамки, требовалось строго пресекать.

Партбюро Института теоретической и экспериментальной физики при обсуждении «секретного доклада» приняло резолюцию, где приветствовалось «исправление ошибок партии». Дошло до Хрущева, и он устроил бурю. Объявил, что у партии ошибок не было и не могло быть, а авторы резолюции «пели с голоса меньшевиков и эсеров». Их выгнали с работы и из партии, чуть не посадили [118]. А сотрудники Ленинградского библиотечного института Пименов, Вайль Заславский, Вербловская и Данилов написали и стали распространять «послесловие» к «секретному докладу». Попали на скамью подсудимых и в тюрьму. В это же время были арестованы два студенческих кружка в МГУ, пытавшихся по-своему трактовать идеологические и исторические вопросы.

Однако на Западе репрессий Хрущева будто не замечали, превозносили его как «прогрессивного» и «демократического» правителя. А он постарался подтвердить подобную репутацию. После XX съезда Хрущев решил закрепить свою славу «освободителя» массовой реабилитацией осужденных. ГУЛАГ был преобразован в Главное управление исправительно-трудовых колоний. По лагерям были разосланы комиссии с правом пересмотра дел и амнистии. За следующие несколько лет было реабилитировано 700 тыс. человек, эта цифра вошла в историю. Вот только... здесь имеется одно большое «но». На начало 1956 г. количество заключенных, осужденных по политическим статьям, составляло всего 110 тыс. И из них 67 тыс. – изменники времен войны и бандеровцы с «лесными братьями».

Но ведь требовалась массовость. Комиссиям целенаправленно была дана такая установка! Реабилитировали изменников с националистами, которых еще не освободили раньше. Для количества добавили из тех, кто сидел по уголовным статьям. Наконец, в число 700 тыс. попали те, кто уже отсидел, умер в лагерях, был расстрелян. С одних снимали прошлые судимости, других реабилитировали посмертно. А Центральная ревизионная комиссия разбирала дела коммунистов. Оправдала и восстановила в партии 30 тыс. человек. Причем это число относится к репрессированным за все годы правления Сталина! Отнюдь не миллионы!

Хрущев провел и «реабилитацию народов», депортированных в 1943–1944 гг. Между прочим, при оценке этих операций стоит иметь в виду, что во время войны ни одно воюющее государство не церемонилось с потенциальными противниками. США и Великобритания интернировали в своих владениях всех японцев, немцев. Захватив в Африке колонии Италии, англичане загнали в концлагеря всех проживавших там итальянцев. Когда в Индии начались освободительные выступления, британцы депортировали все население из прифронтовых областей, а вдобавок вывезли продовольствие и устроили голодомор – погибло 3,5 млн человек. Можно вспомнить и депортацию судетских немцев, которую организовало правительство Чехословакии – еще не социалистическое, а буржуазное, базировавшееся под крылом амери-

канцев. Война уже завершилась, но из страны изгнали 3 млн человек, депортация сопровождалась страшными зверствами, только по официальным данным погибло 19 тыс. мирных жителей, а реально в несколько раз больше.

В Советском Союзе ситуация была иной. С началом войны на Кавказе запылали восстания, резали русских. Многие крымские татары, калмыки, кавказские горцы стали сотрудничать с оккупантами. Когда врага удалось отогнать, в тылах продолжалось восстание, действовали отряды Хасана Исраилова численностью свыше 20 тыс. человек, поддерживали связи с немцами – они отступили совсем недалеко, были в Крыму и на Тамани. Мятежники укрывались в горах и в селениях, маскировались под мирных жителей. В таких условиях Сталин принял решение зачистить тылы. Депортировали калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев. Позже настал черед крымских татар, турок-месхетинцев. Но их не выгоняли на произвол судьбы и голодную смерть, как индусов или судетских немцев. Не запирали в концлагеря, как итальянцев и японцев. Просто переселяли подальше от родных мест – в Казахстан, Среднюю Азию. Выделяли места для спецпоселений, продукты и все необходимое. По личному распоряжению Сталина эшелоны переселенцев должны были сопровождать врачи. Конечно, после войны их уже можно было вернуть на места прежнего проживания. Но... Хрущеву требовалось погуще очернить Сталина и Берию. Поэтому причина депортаций затиралась. Изгнанников представляли невинными жертвами «террора». Перед ними каялись, предоставляли льготы и преимущества. За счет других. 7 февраля 1957 г. была восстановлена Чечено-Ингушская автономная республика. Раньше город Грозный, населенный русскими, и казачьи районы на правом берегу Терека имели статус «национальных автономий». Сейчас их вернули в Чечено-Ингушетию, без всякой автономии. Мало того, в качестве «компенсации» за обиды Хрущев добавил ей 4 района на левом берегу Терека – прежде они входили в Ставропольский край.

При этом от Ставрополя оказался отрезан еще один район, населенный казаками, – Кизлярский. Его отдали Дагестану. Чеченцев, возвращаемых из ссылки, начали селить не в горах, где они обитали прежде, а на равнинах, на казачьих землях. А возвращение карачаевцев, балкарцев, ингушей сопровождалось скрытными депортациями осетин, адыгов, кабардинцев, которым в 1944 г. были отданы земли выселенных. Теперь их изгоняли. Ну а в искреннем стремлении Хрущева восстановить «историческую справедливость» можно усомниться. Ведь Крым-то он сам отдал Украине. Поэтому крымские татары из списка «реабилитированных народов» выпали, на родину их не вернули.

Фестиваль 1957 года

Открестившись от Иосифа Виссарионовича, Хрущев как бы узаконил право и рвать с его политикой, проводить собственную. Он расширял связи с Западом. На экранах кинотеатров умножалось число зарубежных фильмов. Было решено возобновить международный кинофестиваль в Москве. Его проводили один раз, в 1935 г., теперь наметили сделать регулярным. Стал выходить журнал «Иностранная литература» и пользовался огромным спросом. США охотно шли навстречу подобным тенденциям, предложили программу культурного обмена – чтобы их специалисты учились в СССР, а советские в Америке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.